

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

Институт языкознания РАН

ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сборник трудов первой научной конференции памяти
академика РАН Ю.С. Степанова

Под редакцией В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой,
В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер

Москва
2013

ББК 65
Я54

Проведение конференции, редакционно-составительская работа и издание сборника выполнены при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (соглашение 8009 «Языковые параметры современной цивилизации», рук. В.З. Демьянков), гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1140.2012.6 «Образы языка в лингвистике начала XXI века» (рук. В.З. Демьянков), а также Программы Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (2012–2014) по разделу «Динамика концептуальной парадигмы культуры, слово как языковой элемент формирования культурно-эстетического канона» (рук. В.З. Демьянков)

Я54 Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под редакцией В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер. – Москва: Институт языкознания РАН, ИП Шилин И.В. («Эйдос»), 2013. – 560 с. ISBN 978-5-88725-281-X

В сборнике публикуются труды первой научной конференции «Научные поколения и лингвистические парадигмы цивилизации XX-XXI вв.» (памяти академика РАН Ю.С. Степанова), прошедшей в феврале 2013 г. в Москве. Содержание сборника определяется кругом научных интересов выдающегося лингвиста, семиотика, культуролога Ю.С. Степанова: лингвосемиотика и философия языка, онтологический подход к языку, методы и принципы современной лингвистики и коммуникативистики, константы современной культуры, романские языки и романская цивилизация, индоевропеистика и литуанистика, многомерность языка и дискурса, авангард как модус языка и культуры. Отдельный блок материалов связан с личностью и наследием Ю.С. Степанова. Издание сопровождается библиографическим списком публикаций ученого с 1956 по 2013 гг. В приложении публикуется неизданный художественно-документальный очерк Ю.С. Степанова 1958 года о его путешествии во Францию в первые годы хрущевской оттепели. Издание предназначается филологам, философам, искусствоведам, культурологам — всем интересующимся вопросами взаимоотношения языка и современной цивилизации.

© Институт языкознания РАН, 2013
© А. Лазарев, эскиз обложки, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

1. Ю.С. Степанов: личность в науке.

<i>Демьянков В.З.</i> Синтактика, семантика и прагматика в научном творчестве Ю.С. Степанова	6
<i>Подорога В.А.</i> Как мыслит лингвист? Теория концепта и философия языка Ю.С. Степанова (Наброски к теме)	13
<i>Постовалова В.И.</i> Юрий Сергеевич Степанов. Озарения и открытия новых путей в гуманитарном познании	22
<i>Азарова Н.М.</i> Личность ученого. Ю.С. Степанов в трехмерном пространстве науки, искусства и быта	38
<i>Шестакова Л.Л.</i> Ю.С. Степанов как автор классического учебника по общему языкознанию	48
<i>Фещенко В.В.</i> О стиле ученого: научная и художественная образность в работах Ю.С. Степанова	57
<i>Бочавер С.Ю.</i> Полистилистика или единство стиля: работы Ю.С. Степанова как пример научного авангарда	67
<i>Оболенская Ю.Л.</i> Испанский период творчества Ю.С. Степанова	74
<i>Кузнецова И.Н.</i> Юрий Сергеевич Степанов – учёный и учитель	83

2. Образы языка: методы и принципы современной лингвистики

<i>Николаева Т.М.</i> Типы индоевропейского предложения, по Ю.С. Степанову, и грамматика русской паремии	88
<i>Верещагин Е.М.</i> Юрий – это Георгий, но Георгий точно ли «землепашец»?	102
<i>Красухин К.Г.</i> К вопросу о строе предложения индоевропейских языков	116
<i>Порхомовский В.Я.</i> Сравнительно-историческое языкознание как парадигматическая наука	127
<i>Никитина С.Е.</i> На скрещении наук: этноконфессиональная лингвистика	136
<i>Морковкин В.В.</i> Русское слово как объект всеохватного лексикографирования	145
<i>Марюхин А.П.</i> Отношение «Знак–Слово–Вещь» в научных парадигмах	154
<i>Дронов П.С.</i> Образы языка в английской фразеологии: варьирование формы и содержания	163
<i>Ануфриев А.А.</i> Особенности употребления испанских пропозициональных предикатов поля знания	171

3. Концепты и константы: тонкая пленка цивилизации

<i>Ревзина О.Г.</i> Темпоральная структура концепта	183
<i>Виноградов В.А.</i> Концепты: устойчивость и подвижность (к проблеме заимствований)	192
<i>Феррари-Браво Д.</i> Слово как концепт в контексте русской традиции	205
<i>Проскурин С.Г.</i> Древние перформативы и право	214
<i>Макеева И.И.</i> Чудо чудное, диво дивное	222
<i>Лазуткина Е.М.</i> Морфосинтаксис как проводник концептов	234
<i>Слепухин С.Н.</i> Лингвокультурные предпосылки реализации древнеримского концепта «persona» в юридическом дискурсе	243
<i>Зыкова И.В.</i> О креативном потенциале константы РЕМЕСЛЮ во фразеологическом воплощении	251
<i>Мартынов М.Ю.</i> Идеология и язык. Особенности функционирования концепта движения в русском анархическом дискурсе	260

4. Семиотика и искусство: в трехмерном пространстве языка и дискурса

<i>Силантьев И.В.</i> Лирический мотив в измерениях художественной семантики, синтактики и прагматики	270
<i>Заботкина В.И.</i> К вопросу о соотношении семиотики и когнитивной лингвистики	275
<i>Тюпа В.И.</i> Продуктивность перформатива: лирическая поэзия и научная теория	286
<i>Дейнека Э.А.</i> Эпистемологические проблемы семиотики и варианты их решения в работах Ю.С. Степанова	294
<i>Киклевич А.</i> Лингво-философские парадигмы как проблема теоретического языкознания	303
<i>Вдовиченко А.В.</i> «Примышление» и «порождение»: Евномий и каппадокийцы о современных проблемах философии языка	314
<i>Троцкий Ю.Л.</i> «Репрезентирующие экраны» как дискурсивный синтез	322
<i>Коваль О.В.</i> Лингвистическая живопись и живописная лингвистика: семиотический опыт школы Ю.С. Степанова. (Заметки к теме)	324
<i>Злыднева Н.В.</i> К проблеме модальности изображения: о фотографии Бориса Михайлова	332
<i>Князева Е.М.</i> Лингвистика исполнительства в концепции Ю.С. Степанова и ее лингвозстетические аспекты	339

Эпштейн М.Н. «Прыгающие морфемы» и эволюция языка.
О био- и лингвомутациях 344

5. Авангард и поэтика:

личные и коллективные творческие коды

Фатеева Н.А. Интертекст как форма дискурсивного взаимодействия и как «среда обитания культурных концептов» (по следам работ Ю.С. Степанова) 348

Ляпон М.В. Зеркальное отражение: писатель в поисках метафоры творчества 361

Зубова Л.В. Поэтические ленты Мёбиуса 372

Северская О.И. Язык поэтического поколения: теория и практика (на примере русской, французской и американской поэзии 1980-2000-х годов) 386

Маслова В.А. Наследие Ю.С. Степанова сквозь призму лингво-поэтики 403

Полян А.Л. Выбор языкового варианта в поэзии: авангардный модус (на материале еврейской поэзии конца XIX – начала XX века) 409

Орехов Б.В. Перевод «Слова о полку Игореве» Р.О. Якобсона и концепция авангарда 416

Соколова О.В. Коммуникативные стратегии в агитационных, PR и авангардных поэтических текстах, адресованных детям 421

Нечипоренко Ю.Д. Двухнаправленная литература (к вопросу об авангарде во взросло-детской литературе) 430

Приложения

Библиографический указатель трудов Ю.С. Степанова с 1956 по 2013 гг. 435

Ю.С. Степанов. Сентиментальное путешествие (Москва-Париж-Москва) (1958) 460

1. Ю.С. Степанов: личность в науке

В.З. Демьянков (Москва)

Синтактика, семантика и прагматика в научном творчестве Ю.С. Степанова¹

В нашу эпоху междисциплинарности можно выделить два класса лингвистов-теоретиков.

Одни экспортируют достижения лингвистической мысли за пределы языкознания, используя лингвистический анализ, скажем, в литературоведческом или философском теоретизировании. Этот экспорт иногда воспринимается не без ревности со стороны представителей этих дисциплин и часто оценивается как дилетантское вмешательство.

А другие лингвисты импортируют свежие идеи и теоретические конструкции из математики, биологии, семиотики искусства, теоретического литературоведения и т.п. в лингвистическую же теорию как эвристическое подспорье и не рискуют впасть в дилетантизм в этой своей родной области. Именно таким был Ю.С. Степанов – лингвист-теоретик «импортер», профессионал энциклопедического уровня. Предлагаемые им аналогии из различных дисциплин позволяют посмотреть на язык под новым углом зрения.

Он рассматривал язык в семиотическом ключе: «с одной стороны, язык включен в линию эволюции знаковых систем и сам, в конечном счете, является лишь ступенью в этой эволюции, с другой – включает в себя все знаковые системы в ментальном, информационном смысле» [Степа-

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ (проект № НШ-1140.2012.6 «Образы языка в лингвистике начала XXI века», рук. В.З. Демьянков) и гранта на проведение исследований в рамках НОЦ (на тему: «Языковые параметры современной цивилизации», рук. В.З. Демьянков) — соглашение 8009; в рамках программы Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (2012–2014, раздел «Динамика концептуальной парадигмы культуры, слово как языковой элемент формирования культурно-эстетического канона», тема «Лексика эстетической оценки в русском и западноевропейских языках», рук. В.З. Демьянков), а также при поддержке РГНФ (грант 11–04–00105а «Эволюция русского лексикона в европейской лингвистической перспективе», рук. А.Д. Шмелев).

нов 1998: 15]. Эта направленность видна уже в книге «Семиотика», вышедшей в 1971 г. и вошедшей в обновленном виде в работу «Язык и метод» 1998 г. В ней Ю.С. Степанов проводит разграничение между семиотикой и кибернетикой по линии:

статика (семиотика) – динамика (кибернетика).

Кибернетика изучает динамический и количественный аспекты связи и управления в живом организме, природе и обществе, а семиотика – статический и качественный: «Кибернетика изучает процессы, семиотика – главным образом системы, в которых и на основе которых реализуются процессы. С этой точки зрения отношение между семиотикой и кибернетикой подобно отношению между азбукой (алфавитом) и письмом и чтением на основе этого алфавита» [Там же: 19].

Ведь внешние формы жизни «определенным образом упорядочены, они образуют системы [...] и до некоторой степени аналогичны системе языка» [Там же: 23]. Для этих форм время столь же важная часть поведения, что и пространство [Там же: 24]. Причем: «устанавливая общее в различных знаковых системах, семиотика заставляет видеть всеобщую связь между принципами организации: а) языка; б) материальной культуры [...]; в) духовной культуры» [Там же: 26].

Иначе говоря, объект интерпретации в каждый данный момент берется в статике, в нем ищется система зависимостей, динамичны же процедуры интерпретации.

Одним из самых важных среди многих выдвинутых и обоснованных в этой связи является следующий принцип: «новый предмет (изобретение, вещь, вещество, социальное явление) занимает в общественном быту и в общественном сознании место какого-то прежнего предмета, принимая его функцию. И, следовательно, форма – в широком понимании формы – здесь выступает знаком занятого места, функции или назначения, форма – значима, форма санкционирует предмет. [...] Семиотический процесс замещения есть одновременно процесс преемственности и эволюции» [Там же: 84].

Причем оказывается, что «функциональная семантика осуществляется более последовательно (более непрерывно) в материальных знаковых системах (изображениях, орнаментах, живописи, оформлении утвари) и менее последовательно в языке. В материальных знаковых системах она проявляется отчетливее всего в том, что новый предмет, принимающий общественные хозяйственные функции прежнего, принимает на некоторое время и его форму: первые автомобили были похожи на кареты; первые электрические лампы – на керосиновые; электронным музыкальным инструментам придают форму пианино и т.д. и т.п.» [Там же: 87].

Это принцип сохранения баланса между новым и старым. Он позволяет объяснить – уже в наше время – некоторые явления, связанные с воз-

никновением все новых технических новшеств. Так, когда в наш быт вошли персональные компьютеры, они очень мало напоминали по дизайну – по форме – традиционную книгу. Это временное нарушение баланса между привычной функцией и привычной формой сопровождалось резким падением числа читателей бумажных книг, что особенно бросалось в глаза в московском метро. Но вот недавно в наш оборот вошли электронные книги и «планшетники», внешне очень сильно напоминающие традиционные книги: «страницы» в них можно листать пальцами, как и обычные книги. И мы наблюдаем взрыв интереса к чтению – симптом вновь обретенного баланса функции и формы.

Особое место у Ю.С. Степанова занимает формулировка основных законов семиотики. Выделяются две группы таких законов:

- объективные (в области синтактики);
- зависящие от позиции наблюдателя (поскольку вообще «свойство быть знаковой системой в некоторой степени зависит от позиции наблюдателя» [Там же: 127]: прагматические и семантические.

Проявление одного из синтаксических законов, «закона иерархии», Ю.С. Степанов видел в том, что «язык в целом является планом выражения для семиотической системы, семиотики более высокого яруса – стилистики, а стилистика служит планом выражения для семиотики еще более высокого яруса – внешней стилистики, или семиотики» [Там же: 106]. В общем случае: «всякий класс семиотических элементов (знаков) в свою очередь составляет элемент высшего класса» [Там же: 108], а поэтому «правила построения описания для одного яруса применимы и ко всем другим ярусам». При этом значение определяется как «частичная предсказуемость явления» [Там же: 128].

Интерес представляет следующая мысль: «Существует зависимость между свойством языка «быть не языком» (физическим воздействием) и устройством знаков этого языка» [Там же: 134]. По мнению Ю.С. Степанова, *быть языком* является градуированным предикатом, то есть, в различной степени относится к разным объектам. Наиболее близким к прототипу языка является обычный звуковой человеческий язык, он «биологически нерелевантен», а знаки его условны. Одним из важнейших семантических законов, по Ю.С. Степанову [Там же: 150], является семантическая связь между микрокосмом («органами тела человека и его внутренним, духовным миром») и макрокосмом («Землей, небом, светилами»).

В более поздней книге «В трехмерном пространстве языка», вышедшей в 1985 г. и с энтузиазмом принятой читательской публикой (также вошла в состав более поздней книги «Язык и метод»), рассматривается история логико-философских концепций языка, называемых условно «философиями языка». Из богатейшего достояния фактов и идей, связан-

ных с этими весьма различными концепциями, выбираются те, которые позволяют составить цельное, синтетическое представление о языке и использовать это знание в актуальных проблемах сегодняшнего дня. Эта книга ознаменовала начало «метaparадигмы», синтезирующей в себе все три из перечисленных направлений и взятых теперь уже в качестве объекта.

История концепций рассматривается в этой книге не как аморфный «единый поток», а как смена определенных *стилей мышления*, или *парадигм*. Основная идея Ю.С. Степанова заключается в том, что смена *парадигм* во взглядах на язык определенным образом мотивирована самим объективным семиотическим устройством рассматриваемого объекта – языка. В семиотике язык описывается в трех измерениях (отсюда название этой книги) – семантики, синтактики и прагматики. (Термин *измерение* здесь является синонимом терминов *параметр*, *координата*.) Исторически первой возникла семантическая парадигма, или «философия имени». В этой парадигме мир представляется как совокупность «вещей», размещенных в «пустом пространстве»; а вещь может получить *имя*, связанное, в свою очередь, с сущностью вещи (временной, неслучайной и безусловной). Язык рассматривается как совокупность имен вещей, открывающих путь к познанию сущностей. Этапными для этой парадигмы являются теории Аристотеля, Порфирия, Петра Испанского, Оккама, Николая Кузанского; отдельное место занимает концепция Алексея Федоровича Лосева в 1920-е гг.

Три основные черты выделяют данную философию языка как парадигму:

- понятие имени служит исходной точкой;
- доминирует понятие сущности,
- понятия имени и сущности сопровождаются понятием иерархии.

Суть именованья отражает понимание имени как функции. Вся философия имени проникнута духом символа; искусство, в наибольшей степени отвечающее философии имени, – французский и русский символизм. Его поэтику можно – вслед за Ю.С. Степановым – назвать *поэтикой имени*, или *семантической поэтикой*.

Семантической парадигме отвечает, по замыслу Ю.С. Степанова, в модельном представлении, особая модель языка – «Язык₁». Под Язык₁ понимается естественный язык, все основные показатели которого характеризуются числом 1: на нем могут производиться высказывания только степени 1, только уровня 1, имена этого языка группируются только в один класс, как и предикаты; это «очень бедный естественный язык», обладающий только семантикой, в то время как Язык₂ обладает и семантикой, и синтактикой, характеризуясь числом 2, а Язык₃ обладает семанти-

кой, синтактикой и прагматикой («дектикой») и характеризуется числом 3 и более.

Степень языка указывает на максимальное количество термов (актантов), допускаемых в каждом отдельном высказывании на этом языке, а уровень (или порядок) означает максимально возможную степень производности высказывания данного языка. Так, Язык₁ не допускает сведения ни к каким другим более низким уровням; Язык₂ может быть сведён к перифразам высказываний на Языке₁, а Язык₃ – к высказываниям на Языке₂ и Языке₁. В Языке₁ все предложения являются равно и аналитическими и синтетическими, в нем нет слов, соответствующих логическим операторам, усложняющим элементарную логическую формулу высказывания – логических слов типа *или*, *некоторые*, *все*, *нет* и отрицания. Говорящий на этом языке присутствует только как «говорящий о чем-то» и не может высказываться о себе самом (даже его имени *Я* нет среди объектов). Координата «я – здесь – сейчас» задана только фактом говорения на этом языке, но не выражена, нет средств сказать о ней на Языке₁, и поэтому в некотором смысле она отсутствует. Здесь есть высказывания о прошлом, но говорящий никогда не знает, что это – прошлое. Искусство слова на этом языке представляет собой нечто вроде эпоса, повествующего только о том, что и без того известно на практике и о чем говорится в обыденной речи носителя этого языка. Язык₁ реально соответствует одному фрагменту реконструируемого протоиндоевропейского языка.

Исторически следующая, вторая, основная парадигма – синтаксическая, или «философия предиката». В этой новой картине языка, создававшейся в течение двадцати – тридцати лет на рубеже XIX и XX веков, отражены новые физические представления о мире (напр., «частная теория относительности» А. Эйнштейна 1905 г.); пространство и время объединяются в единую форму существования материи – пространство-время. В новой картине мира «в самом существе понятия предиката как ядра пропозиции о факте, кроются те же координаты, а значит, и зависимость от системы отсчета. Но координата точки отсчета, сам говорящий, в этот период не осознается как отдельная, она присутствует в скрытом виде, как усредненная координата «всякого говорящего», носителя языка вообще» [Степанов 1998: 288].

Первый период этой парадигмы связан с семантическим изучением изолированных слов, второй характеризуется учетом всеобщей связи, «системности», в противопоставлении «атомизму». В общем случае предикат – это пропозициональная (или «высказывательная») функция, этим объясняется явление «семантического согласования» между предикатом и субъектом предложения. Выделяются базисные предикаты, действующие в пределах предложения, и «суперпредикаты» – в пределах сложного (составленного из простых). Первые превращают имена в предложения, вто-

рые – превращают простые предложения в сложные. Поскольку предикаты связаны со строением предложения в целом, а не с какой-либо его частью, семантический анализ предикатов, как подчеркивает Ю.С. Степанов, требует неконтрастной («некомпонентной») теории значения. Однако в данную эпоху (работы Б. Рассела, А. Айера и др.) развивалась лишь контрастная теория значения, связанная с запретом на анализ категориальных терминов (такой анализ считался «метафизическим» и относился к таким понятиям, как «материя», «сознание», «сущность» и т.п.).

Элементы философии предикатов имеются в учении античных стоиков; центральное место занимает эта философия в концепциях Б. Рассела 1920–40 гг., а именно, в «теории дескрипций», концепции пропозициональных установок, «иерархии языков» и «теории типов».

В модельном представлении синтаксической парадигме отвечает Язык₂, с семантикой и синтактикой. В этом языке различие субъекта и объекта является семантическим параметром. Здесь разрешается – в отличие от Языка₁ – нарушить первоначальную сочетаемость субъектов одного класса с предикатами, определяющими другой класс субъектов. Поэтому имеются выражения, не определяющие никакого реального объекта, и возникает понятие интенционального, или возможного мира, отличного от реального мира экстенционалов, и создаваемого средствами языка. Поэзия, основанная на этом языке, использует новую сочетаемость субъектов с предикатами и даже может снимать ограничения на сочетаемость, а ее содержанием является «интенциональный мир» смыслов, построенных по законам логики, но не обязательно соответствующих реальным объектам.

Наконец, исторически последней возникает прагматическая («дектическая») парадигма, или «философия эгоцентрических слов». Эта парадигма отличается от предыдущих в следующих отношениях:

- 1) весь язык соотносится с субъектом, его использующим, с «Я»;
- 2) все основные понятия, используемые для описания языка, релятивизируются: имена, предикаты, предложения – все теперь рассматривается как функции разного рода.

В этой парадигме синтез понятия субъекта произошел на границе между художественной литературой и лингвистическим анализом высказывания. Одновременно «Я» говорящего расслаивается на «Я» как подлежащее предложения, «Я» как субъект речи и «Я» как внутреннее «Эго», контролирующее самого субъекта. И параллельно этому расслаивается сама прагматика. Истоки этой идеи – в искусстве. Итак, данная парадигма концентрирует свое внимание на отношении языка к говорящему, заключающемся в присвоении себе языка в момент – и на момент – речи. При этом оказывается, что между реальным миром говорящего «Я» и миром лишь мыслимым, «интенциональным», нет непреодолимой границы,

ибо между обоими этими мирами лежит еще один мир, удаленный от говорящего и определяемый координатами «он – там – тогда». Эгоцентрические слова (*я – здесь – сейчас*) играют в анализе языка в рамках данной парадигмы решающую роль. Собственное имя индивида, в частности, является прямым обозначением этого индивида и косвенным обозначением другого индивида – «Я», который обозначает первого. Поэтому даже собственные имена должны быть соотнесены с эгоцентрическими и производны от набора индивидов, из которых нужно выделить данного.

В модельном представлении прагматической парадигме отвечает Язык₃ – с семантикой, синтактикой и прагматикой («дектикой»). В этом языке имеются все необходимые условия для появления пропозициональных установок, и художник имеет все средства отличить свой мир от мира другого человека. Особенностью речи на этом языке является возможность перифраз, например, пародий. На этом языке можно говорить от лица любого объекта (что невозможно в случае Языка₁ и Языка₂).

Кроме трех основных парадигм и их модельных соответствий, есть и некоторое количество «межпарадигматических» периодов – «философии языка» в XVII в., феноменология XX в. и др.

Интересной гипотезой Ю.С. Степанова, предопределившей все его дальнейшее научное творчество и в самой значительной степени сказавшееся на последнем этапе его жизни, была идея о том, что логические картины языка имеют аналогии с соответствующими явлениями в искусстве, и не только в словесном. Этому сопоставлению посвящено большое число страниц в трудах Ю.С. Степанова. В итоге становится несомненным не просто наличие связи между различными сферами человеческого интеллекта в рамках каждой эпохи его развития (парадигм), но и единообразие внутренней организации (изоморфизм) таких, казалось бы, разных областей, как теории языка, философские концепции языка, теории литературы (поэтики) и художественное творчество. А подтверждается эта модель огромным фактическим материалом, подобранным очень умело и глубоко, так что читатель порой испытывает настоящее волнение от соприкосновения с глобальными проблемами культуры.

В более позднем очерке «нового реализма» как философии языка (в России), Ю.С. Степанов показывает, что прагматика может быть определена как дисциплина, «предметом которой является связный и достаточно длинный текст в его динамике – *дискурс*, соотнесенный с главным субъектом, с «Эго» всего текста, с творящим текст человеком. Человек – автор событий. По крайней мере, событий, заключающихся в говорении» [Степанов 1998: 708].

Поскольку же с разворачиванием дискурса меняется и «Эго», можно продолжить эту мысль Ю. С. Степанова следующим образом: прагматика видит причины перипетий дискурса в изменениях субъекта под действи-

ем дискурса и внешних обстоятельств. Именно отсюда вытекает следующее – кажущееся на первый взгляд парадоксальным – положение Ю.С. Степанова: «носитель языка в принципе не может знать значений слов своего языка» [Там же: 708].

Эту формулировку следует, на мой взгляд, расширить, включив выражение: «на протяжении сколь угодно малой окрестности данного момента времени». Изменение субъекта включает, среди прочего, и модификацию актуальных знаний семантики языка.

По мнению Ю.С. Степанова, в дискурсе мы «проходим каждый день сквозь толпу – а на самом деле, сквозь различные толпы, – во множественном числе; мы соприкасаемся локтями с десятками людей, но только некоторые из них принадлежат к нашему миру...» [Там же: 740].

Эти локти, замечу, иногда бывали очень острыми. Но Ю.С. Степанов умел прощать.

Читая книги Ю.С. Степанова, мы соприкасаемся с внутренним миром великодушного человека – великодушного в жизни и в научном творчестве.

Подводя итог сказанному, можем сказать: синтактика, семантика и прагматика – не только измерения языка-объекта, но и направляющие линии в исследовании языка как компонента человеческой культуры.

Литература

Степанов 1998 – *Степанов Ю.С.* Язык и метод: к современной философии языка. М., 1998.